ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

УДК 379.8, 392, 930.85

ББК 76.0

DOI: 10.33065/2307-1052-2018-4-26-28-36

Внешкольная повседневность советских школьников: сюжеты и структуры¹

Куприянов Борис Викторович,

доктор педагогических наук, профессор департамента педагогики Института педагогики и психологии образования, Московский городской педагогический университет, г. Москва, Россия

Аннотация. В тексте статьи представлены основания и направления социально-педагогической реконструкции внешкольной повседневности советских школьников второй половины XX века. Автор доказывает, что социально-педагогическая реконструкция внешкольной повседневности советских детей может быть представлена на материале анализа: «подростковых приключений» и «детских шалостей»; обращений школьников с одеждой и украшениями; школьного и внешкольного общения и ритуальных практик; мечтаний и фантазий советских детей; гендерных различий во внешкольной повседневности детей в СССР.

Ключевые слова: история детства, советское детство, история образования в СССР, история советского детства, история внешкольного образования в СССР, история повседневности, педагогика внешкольной повседневности ребенка.

Extracurricular Daily Life of Soviet Schoolchildren in Plots and Structures

Kupriyanov Boris V.,

Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Department of Pedagogy, Institute of Pedagogy and Psychology of Education, Moscow City Pedagogical University, Moscow, Russia

Abstract. The article presents the foundations and directions of the social and pedagogical reconstruction of the extracurricular everyday life of Soviet schoolchildren during the second half of the twentieth century. The author argues that the socio-pedagogical reconstruction of the extracurricular everyday life of Soviet children can be presented within the analysis material of “teenage adventures” and “childish pranks”, school and extracurricular communication, ritual practices, dreams and fantasies of Soviet children.

1. Текст представляет собой промежуточный итог исследований в рамках научного проекта № 18-013-00890а, поддержанного РФФИ.

Keywords: history of childhood, Soviet childhood, history of education in the USSR, history of Soviet childhood, history of extracurricular education in the USSR, history of everyday life, pedagogy of extracurricular everyday life of a child.

К настоящему времени в истории, социологии, педагогике и культурологии приняты серьезные попытки анализа повседневности советского прошлого. Социально-педагогическая реконструкция внешкольной повседневности советских школьников второй половины XX века не возможна без учета результатов, достигнутых представителями гуманитарных и социальных наук. Такая реконструкция требует обобщения и систематизации результатов исследований повседневности, осуществленных в различных эпистемологических перспективах.

Наиболее существенные результаты в изучении повседневности получены историком Н. Л. Пушкаревой [Пушкарева 2012, 2016]; следует отметить разработки по истории советского детства, выполненные А. В. Смирновым, А. Ю. Рожковым, А. С. Ляшок, М. В. Ромашовой [Смирнов 2013; Ляшок 2011, 2013; Рожков 2014, Ромашова 2006], материалы, связанные с попыткой в конце 1990-х – начале 2000-х создать «Архив воспоминаний о детстве» [Безрогов 2018], а также материалы, опубликованные в результате деятельности семинара «Культура детства» в РГГУ [Культура детства... 2018].

Исключительное значение для социально-педагогической реконструкции повседневности детей имеют историко-педагогические исследования, выполненные в рамках антропологического подхода (В. Г. Безрогов, В. К. Пичугина) [Безрогов 2015; Пичугина 2013].

Значительный вклад в изучение внешкольной повседневности современных детей вносят работы С. Н. Майоровой-Щегловой, в которых раскрываются как общеметодологические вопросы изучения социологии детства, так и отдельные важные аспекты внешкольной повседневности [Майорова-Щеглова 2016; Майорова-Щеглова, Митрофанова 2017; Майорова-Щеглова, Колосова 2018]. Важной предпосылкой для данного проекта выступают социологические исследования в сфере свободного времени детей, выполненные коллективом центра социологии образования РАО (руководитель В. С. Собкин).

Существенными возможностями в исследовании внешкольной повседневности советских школьников обладает социально-педагогическая теория социализации, разработанная А. В. Мудриком и реализуемая его научной школой (Т. А. Ромм, Т. В. Складорова, Т. Т. Щелина, Б. В. Куприянов и др.) [Мудрик 1990; Ромм 2014; Куприянов 2011, 2018].

В своем диссертационном исследовании А. С. Ляшок представила детскую повседневность как культурный феномен и обратила внимание на «вариативность форм протекания в зависимости от социокультурных и исторических контекстов, а также социального происхождения и гендерной идентичности детей» [Ляшок 2013: 10 – 11].

Следуя за логикой Х. П. Турна, выделившего (в повседневности) уровни *«персонально-культурной повседневности»* («рутина ежедневно повторяющихся обстоятельств», «забота о теле, вроде мытья рук или причесывания, повторяющееся одевание и раздевание, стилизация еды и питья или ежедневное чтение газет»), *«вещественно культурной повседневности»* («мир вещей, который окружает человека в повседневной жизни: одежда и ее аксессуары – кошельки, портмоне, часы, очки, курительные принадлежности»), *«социальной повседневности»* (различные формы ежедневного взаимодействия, общения между людьми: в кругу семьи, знакомых и близких, на работе и в общественных местах) (Цит. по: [Лелеко 2002: 79 – 80], можно назвать **пять «сюжетов» в изучении**

внешкольной повседневности советских школьников:

- подростковое приключение как событие;
- одежда и украшения как вещи (предметы);
- ритуальные практики и сценарии поведения;
- мечты и фантазии как мыслимые деятелями образы желаемого состояния повседневности;
- гендерные различия в повседневности деятелей.

Сюжет первый – приключения. Позиционирование приключения как специфического социально-педагогического и социокультурного явления осуществляется в работах Б. В. Куприянова, О. В. Миновской, А. А. Турыгина [Куприянов 2011; Турыгин, Миновская 2017]. При исследовании приключения в повседневности советских пионеров представляется существенным опираться на следующие положения:

– приключение – субъективно позитивное отражение человеком внезапного усиления собственной реактивности по преодолению внешних угроз; приключение вызывает внезапное усиление реактивности, своего рода «экзистенциальную вспышку» (внезапное качественное изменение самовосприятия, стремительная переоценка своих сил и возможностей, озарение);

– стремление человека к приключению порождено склонностью к неизведанному, любовью к риску, опасностям, игре с судьбой (авантюрная направленность), к обретению славы (глористическая направленность), желанием переживать романтические эмоции (созерцательная мечтательность, идеализация отношений с окружающим миром);

– стремление человека к приключению обусловлено индивидуальной авантюристичностью, готовностью к риску, нарушению норм (традиций, законов, правил и т.д.) ради достижения успеха, славы;

– психологический механизм разворачивания приключения может быть описан так: вступая в активное противоборство с обстоятельствами (реагируя на вызовы), человек начинает игру с Судьбой; такая игра вызывает азарт (сильное возбуждение, вызванное противоборством и стремлением к выигрышу), высокая степень эмоциональных переживаний участника приключения дает ему силы для преодоления как больших опасностей, так и мелких бытовых неудобств; непредсказуемость и исключительно угрожающий характер вызовов актуализируют все возможности человека, стимулируют творческий подход к решению возникающих проблем; приключением человеку «навязывается» подвиг как системный способ поведенческой реакции на вызовы;

– приключение представляет собой многогранное социокультурное явление, возникшее в самом начале человеческой цивилизации и имеющее романтическую традицию культурного воспроизводства в каждом новом поколении (во все времена мальчишки, увлекаемые страстью к приключениям, убегали из дома, чтобы стать пиратом, золотоискателем или «сыном полка»);

– пространственно-временная локализация приключения: приключение имеет фиксированное начало (переход из обыденного существования в необычное) и фиксированный финал (возвращение из необычного бытия в обыденное);

– приключение в своей смысловой основе противостоит размеренной и традиционной жизни, жизни без неожиданностей, опасностей и неизвестности; «взрослое» отношение к жизни отвергает приключение как проявление детскости и безответственности; в понимании «взрослых» ответственность за выполнение социальных и индивидуальных обязанностей и обязательств ограничивает право человека на приключение [Куприянов 2011; Турыгин, Миновская 2017].

В собственных работах автора этой статьи и в трудах моих коллег (А. В. Кудряшёв, Р. С. Лебедев, Я. Ю. Мощенская) последних лет исследуются ситуации, когда внешняя угроза, усиливающая реактивность ребенка, порождена сознательным нарушением существующих правил; такое поведение квалифицируется как детская шалость [Кудряшов 2018; Kipriyanov 2018; Лебедев, Мощенская 2018].

В контексте реконструкции подростковых приключений и детских шалостей советских школьников представляют интерес исторические свидетельства не только о поступках, нарушавших привычные нормы повседневного поведения, но и о правонарушениях. В работе А. П. Волкова и С. В. Галдобиной приведены следующие факты: «В 1962 – 1963 г.г. КГБ отмечало увеличение антиобщественных и антисоветских проявлений учащихся средних школ, которые объединились в отдельные группы или организации, издавали листовки». Среди авторов антисоветских листовок в 1962 – 1963 гг. выявлено 400 школьников 13 лет и старше. В это же время «за приставание к иностранцам» задержано 300 школьников» [Волков, Галдобина 2016].

Сюжет второй – вещи (предметы). Отдельный аспект повседневности, заслуживающий внимание исследователя, – одежда и украшения в повседневности советских пионеров.

На изучение одежды как отдельной «монады» (конститутивного элемента бытия) обращает внимание в своей феноменологической концепции Э. Гуссерль [Гуссерль 2000].

Влияние на повседневную жизнь детей «новых советских вещей» и повседневных практик их потребления рассматривается в работах А. А. Сальниковой и А. Тихомировой [Сальникова 2007; Сальникова 2008; Тихомирова 2008].

Н. И. Даудрихом, В. И. Ильиным, Н. М. Лебедевым, А. И. Левиным, И. Н. Травиным изучалась «специфика выбора вещей и их приобретения как часть потребительского поведения», а «вопросы научного обоснования взаимосвязи предметной среды, образа жизни и модели потребления» – В. Л. Глазычевым, А. Б. Гофманом, А. В. Иконниковым, К. Н. Кондратьевой, В. Р. Пилипенко, С. О. Хан-Магометовым [Цит. по Ковтун 2011].

Обобщение результатов исследований об одежде в контексте повседневности позволяет констатировать:

- одежда, являясь элементом оформления внешности человека, маркером социального статуса, культурной принадлежности и т.п., обеспечивает социальную идентификацию человека, играет важную роль в общении;
- с древних времен одежда становилась объектом политической, социальной и культурной регламентации, во многих социальных институтах вводился этикет, устанавливающий нормы ношения одежды и аксессуаров;
- одеваясь, человек формирует сложную символическую систему, обусловленную формой, цветом, стилем и составом элементов, использует специфический язык (сигнально-знаковая система);
- костюм, как комплекс предметов одежды, обуви, головных уборов и различных аксессуаров, а также прическа, грим составляют единое утилитарно-художественное целое внешнего облика человека;
- одежда выступала и выступает как средство самовыражения человека, воплощение индивидуальной эстетической концепции, она отражает стремление индивида к внешнему разнообразию, парадоксально оборачивающееся своей прямой противоположностью – как внешним, так и, особенно, внутренним, психологическим единообразием;
- на подбор и ношение одежды ощутимо влияет мода («существующее в определенный период и общепризнанное на данном этапе отношение к внешним формам культуры: к стилю жизни, одежде...», «проявление коллективного бессознательного»);

мода порождается стремлением подражать кому-либо, как правило, без прямой корысти;

- изучение повседневной одежды позволяет судить о нравах изучаемого общества, обнаружить эстетические идеалы той или иной социальной общности, понять представления людей о красивом и безобразном, возвышенном и низменном [См.: Дианова 2015; Журавлев, Гронов 2013; Лебина 2015].

В своих мемуарах В. Т. Третьяков предлагает обратить внимание на несколько культурных векторов, которые определяли, по его мнению, модные тенденции в мире вещей советских граждан в 60-80 гг. XX века:

- «западный» (вектор европейской и северо-американской культуры);
- «восточный» (влияние традиций Средней Азии, мода на ковры и др.);
- «традиционный» (вектор отечественной, евразийской, традиционной культуры)

[Третьяков 2014: 105 – 106, 112].

Третий сюжет – ритуальные практики и сценарии поведения советских школьников во внешкольной повседневности. Речь идет о практиках межличностного общения и музыкальных предпочтениях, о различного рода поступках, имеющих нравственные проекции.

Для понимания практик общения в контексте изучения повседневности принято опираться на классические работы И. Хейзинги, П. Бергера и Т. Лукмана, Н. Лумана [Хейзинга 1997; Бергер, Лукман 1995; Луман 1995]. Согласно положениям названных авторов, именно язык, как способ осмысления реальности, задает схемы действий в повседневной жизни, создает предпосылки формирования/разрушения идентичности. Е. А. Разумовская на современном материале общения учащихся показывает, что «англо-американская лексика молодежи как носитель американской культуры становится одним из факторов изменения культуры повседневности российской молодежи, проникая в культуру вместе с реалиями западной жизни, с бизнесом, компьютерами, Интернетом, фильмами, телевизионными сериалами, песнями и видеопродукцией и т.п.» [Разумовская 2008].

Как отмечают многие эксперты, материалы советских СМИ, кроме собственно информирования общественности, формировали у аудитории позитивное представление о жизни в СССР («лакировка действительности»). При этом М. В. Ильина указывает, что, хотя позитивной информации на страницах советских газет было значительно больше, негативные темы все же освещались, авторам публикаций приходилось объяснять, как те или иные аморальные действия или преступления могли иметь место в условиях социализма [Ильина 2014].

Время от времени в советской печати появлялись публикации с целью социальной стигматизации тех или иных нежелательных молодежных практик. Так, в статье «Двойники» (1985 год, «Комсомольская правда») освещались события в г. Белая Церковь, здесь группа старшеклассников вела двойную жизнь – публичную жизнь комсомольцев-активистов и тайную жизнь поклонников западной культуры. Автор публикации вменял в вину школьникам увлечение «красивыми» кинолентами зарубежного производства, фарцовку, переписывание на магнитофон хард-рока, слушание «вражеских голосов», использование кличек в общении друг с другом и жаргона, идентификацию себя как «основных», «центровых» и др. [Куприянов 1985].

Объектами критики в советской прессе 1970 – 1980-е годов XX века были также «мажоры» или «золотая молодежь». В. Е. Петров определяет эту социальную группу так: «дети из семей дипломатов, обласканной властью культурной элиты и высшей советской номенклатуры, а также субэлитных слоев советского общества – спортсменов, актеров, директоров универмагов и т.д., имевших значительные социальные привилегии и возможность их распространения на ближайшее семейное и социальное окружение» [Петров 2016].

Сюжет четвертый – мечты и фантазии советских школьников. Мечта, мечтания и мечты являются объектом изучения многих наук. В 70-е годы философ К. Пурлиева осуществила опыт социального и культурно-исторического анализа народной мечты в рамках исследования «Проблема мечты в историческом материализме» [Пурлиева 1975]. Два десятилетия спустя С. И. Грабовский посвятил свою диссертацию феномену мечты в социокультурном самоопределении человека [Грабовский 1995].

Интерес к изучению мечты обнаруживается и в филологии, где исследовались: социокультурное явление «американской мечты» [Коновалова 2009; Форшток 2010]; мечта как концепт в русской языковой картине мира [Сергеев 2005].

В психологии мечта исследовалась в качестве модели будущего, влияющего на личностно-профессиональное развитие студента [Юрьева 2007]; уделялось внимание и подростковой мечте как показателю личностного развития [Усманова 1993].

Анализ указанных работ С. А. Сергеева, А. А. Усмановой и Т. В. Юрьевой позволяет сформулировать ряд важных положений:

- мечта может быть осмыслена как процесс предварительной постановки цели, как иллюзорное пространство, в котором реализуется нереализуемое, как внутренняя картина собственного бытия, как образ желаемого будущего, виртуальность, в которой происходит «обыгрывание» возможных и желаемых событий и т. д.;

- мечту следует отличать, с одной стороны, от менее реалистичных и не связанных с действительностью грез и фантазий, а, с другой, – от психологической перспективы, личностной перспективы, временной перспективы, персонального мифа и перспективного целеполагания;

- мечта для подростка – результат проектирования своего будущего в ходе накопления самопредставлений;

- мечта способствует иерархизации мотивов, вносит смысл в жизнедеятельность человека;

- мечта есть способ реализации аффективных тенденций, которые не могут найти воплощения в повседневной жизни;

- следует различать мечту реалистическую и фантастическую (мечтатель осознает неосуществимость того, о чем мечтает) [Сергеев 2005; Усманова 1993; Юрьева 2007].

Пятый сюжет – гендерные различия во внешкольной повседневности школьников. Заслуживает внимания утверждение Н. Л. Пушкаревой о том, что в рассматриваемый здесь период имела место «тоталитарная андрогиния» – попытка создания «бесполого человека» [Пушкарева 2012]. В то же время, в реальной жизни существовали повседневности мужчин и повседневности женщин, повседневности мальчиков и повседневности девочек.

А. С. Ляшок реконструировала повседневности мальчиков и повседневности девочек в пространстве школы 1980-х – первой половины 1990-х гг. В своей работе автор опиралась на идеи С. Б. Борисова, выделяющего три взаимосвязанных, но автономных сферы «субкультуры детства: «(внутри)мальчишеской», «мальчишечье-девичьей» и «(внутри)девичьей». Гендерные различия в повседневности мальчиков и девочек А. С. Ляшок показала в таких сегментах как:

- внешкольные и внеклассные занятия по интересам («для девочек – посещение музыкальной школы, танцевальных кружков, для мальчиков – занятия спортом»),

- школьная форма (институализированные образы идеальной девочки-школьницы и мальчика-школьника),

- школьные игры мальчиков и девочек на переменах (футбол для мальчиков и «Классики», «Резиночки», «Скакалки» для девочек),

- игровые и ритуальные практики (девочки играли в куклы, в том числе бумажные, занимались гаданием на картах, мальчики играли в «войну»),

- коллекционирование (девочки чаще коллекционировали открытки, календарики, конфетные фантики, мальчики – марки, монеты, солдатиков) [Ляшок 2011].

Важным предметом исследования «мальчишечье-девичьей» повседневности в старшем подростком возрасте является первый опыт романтических чувств и отношений. Проведенные Б. В. Куприяновым исследования первого опыта романтических чувств и отношений у советских подростков в пионерском лагере в 60 – 80-х гг. XX века (опрошено нескольких сотен респондентов в возрасте 43 – 65 лет) показали:

- романтические переживания и отношения четко дифференцируются респондентами и квалифицируются как «симпатия» (эмоция или чувство), «романтическая дружба мальчика и девочки» (взаимоотношения и взаимодействие в паре), «влюбленность» (взаимное чувство или без взаимности);

- фиксируется эволюция романтических переживаний и отношений (от взаимной симпатии к романтической дружбе, от романтической дружбы к влюбленности одного или обоих подростков); ситуация, когда романтические чувства и эмоции были без взаимности, не всегда воспринималась подростками как негативная, нередко романтическое переживание было самодостаточным;

- романтические чувства возникали у небольшой части подростков, а романтические отношения еще реже; о романтическом дебюте в 11 – 12 лет свидетельствует $\frac{1}{6}$ опрошенных, в 13 – 14 – $\frac{1}{4}$ участников интервью; романтические чувства в 14 – 16 лет испытывала меньшая часть опрошенных;

- симпатия, романтическая дружба и влюбленность могли связывать: двух подростков; подростка, отдыхающего в пионерском лагере, и вожатого (вожатую);

- в проявлении романтических переживаний и в своих романтических отношениях подростки демонстрировали разные стратегии, различающиеся в настойчивости обрести взаимность;

- по длительности романтические чувства и отношения советских подростков в пионерских лагерях в массе своей были кратковременными и завершались с окончанием лагерной смены; исключения редки [Куприянов 2018: 82 – 83, 87].

Выводы. Социально-педагогическая реконструкция внешкольной повседневности советских школьников может быть представлена на материале относительно самостоятельных «сюжетов» (различных аспектов повседневности, образов жизни, в той или иной степени отразившихся в дневниках, газетных статьях, рассказах, фотографиях, открытках, календарях, «фантиках», обложках книг и тетрадей, документальных и художественных фильмах, воспоминаниях):

- сюжет «подростковые приключения и детские шалости»: сознательные нарушения размеренного существования, общепринятых норм жизни, сопровождаемые яркими переживаниями, меняющие самовосприятие, оставляющие глубокий след в сознании ребенка;

- сюжет «обращение школьников с одеждой и украшениями»: символическое участие в общении, выбор и приобретение вещей, трактовки и взаимодействие с предметной средой жизнедеятельности, следование или, наоборот, нарушение социальных норм потребления, отношение к моде, индивидуальные модели потребления, социальное позиционирование через символическое оформление, актуальные культурные образцы;

- сюжет «общение и ритуальные практики школьников»: культурные предпочтения, различного рода поступки, имеющие нравственные проекции, социокультурная идентичность, каналы трансляции актуальных культурных образцов, социальная оценка

(пропаганда, стигматизация) моделей поведения в СМИ;

- сюжет «мечты и фантазии советских школьников»: индивидуальный и социальный образ желаемого будущего, «обыгрывание» возможных и желаемых событий, детские мечты;
- сюжет «гендерные различия во внешкольной повседневности советских школьников»: параллельное существование «мальчишеской» и «девичьей» повседневностей, различающихся по содержанию деятельности и внутренним смыслам занятий (игр, ритуальных практик); первый опыт романтических чувств и отношений и его значение в жизни мальчиков и девочек.

Источники и литература:

1. Безрогов В. Г. «У ребят своя забота»: модели поведения в советском учебнике для начальной школы 1930 – 1970-х годов. // Вопросы воспитания. 2015. № 1. С. 14 – 23.
2. Безрогов В. Г. Архив воспоминаний о детстве Университета Российской Академии образования. [Электронный ресурс]. // URL: <http://rl-online.ru/articles/1-03/66.html> (дата обращения: 17.12.2018).
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. / Пер. Е. Д. Руткевич. М.: Медиум, 1995. 323 с.
4. Волков А. П., Галдобина С. В. Молодежь и советское государство в 60-е – 80-е гг. XX столетия: некоторые проблемы эффективности воспитания и взаимоотношений. // Вестник Екатеринбургского института. 2016. № 4 (36). С. 7 – 15.
5. Грабовский С. И. Феномен мечты в социокультурном самоопределении человека: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Киев, 1995. 24 с.
6. Гуссерль Э. Логические исследования. Картезианские размышления. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология. Кризис европейского человечества и философии. Философия как строгая наука. Мн.: Харвест, М.: АСТ, 2000. 752 с.
7. Дианова К. А. Изучение истории костюма в структуре повседневности. // Рябининские чтения – 2015. Отв. ред. Т. Г. Иванова. Петрозаводск: Музей-заповедник «Киж», 2015. 596 с.
8. Журавлев С., Гронов Ю. Мода по плану. История моды и моделирования одежды в СССР, 1917 – 1991. М.: РАН, Ин-т российской истории, 2013. 494 с.
9. Ильина М. В. Проблема интерпретации аморального поведения в публикациях советских СМИ (на примере иркутской газеты «Советская молодежь»). // Медиаисследования. 2014. №1. С. 177 – 186.
10. Ковтун О. А. Человек и вещь в культуре: предметное основание персональной идентичности: автореф. дис. ... канд. философ. наук. Челябинск, 2011. 25 с.
11. Коновалова Ж. Г. «Американская мечта» в художественно-документальной литературе США второй половины XX века: автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Казань, 2009. 26 с.
12. Кудряшев А. В. Детские шалости советских подростков на городском транспорте. // Сибирский педагогический журнал. 2018. № 5. С. 39 – 44.
13. Культура детства: нормы, ценности, практики. Российский Государственный Гуманитарный Университет. Семинар. Выступления. [Электронный ресурс]. // URL: <http://childcult.rsuh.ru/section.html?id=3733> (дата обращения: 17.12.2018).
14. Куприянов А. Двойники. // Комсомольская правда. 1985. 20 января. С. 4. [Электронный ресурс]. // URL: <https://vs-baronin.livejournal.com/185349.html> (дата обращения: 17.12.2018).
15. Куприянов Б. В. Воспитание XXI века: экзистенциальная вспышка приключений. // Народное образование. 2011. № 9. С. 249 – 254.
16. Куприянов Б. В. Первый опыт романтических чувств и отношений у советских подростков в пионерском лагере в 60 – 80-х гг. XX века. // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия IV: Педагогика. Психология. 2018. № 4(51). С. 82 – 94.
17. Лебедев Р. С., Мощенская Я. Ю. Детская шалость в повседневности ребенка. // Известия ВГПУ. Педагогические науки. 2018. № 4(281). С. 88 – 91.
18. Лебина Н. Б. Повседневность эпохи космоса и кукурузы: деструкция большого стиля, Ленинград 1950-1960-е годы. Спб.: Книга: Победа, 2015. 481 с.
19. Лелеко В. Д. Пространство повседневности в европейской культуре. СПб.: Санкт-Петербургский гос. ун-т культуры и искусств, 2002. 303 с.
20. Луман Н. Что такое коммуникация? / Перевод с нем. Д. В. Озирченко. // Социологический журнал. 1995. № 3. С. 114 – 125.
21. Ляшок А. С. Детская повседневность как предмет исследований. // Культурная жизнь Юга России. 2011. № 1 (39). С. 98 – 101.
22. Ляшок А. С. Трансформация детской повседневности в социокультурном пространстве школы: на

- материале 1980-х – 1990-х гг.: автореф. дис. ... канд. культурологии. Саратов, 2013. 18 с.
23. Ляшок А. С. К вопросу о конструировании «повседневности мальчиков» и «повседневности девочек» в пространстве школы 1980-х – первой половины 1990-х гг. // Теория и практика общественного развития. 2011. № 8. С. 119 – 124.
 24. Майорова-Щеглова С. Н. О перспективах изучения досуговых занятий современных детей (в ответ на статью Б. В. Куприянова). // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 135 – 138.
 25. Майорова-Щеглова С. Н., Митрофанова С. Ю. Детство в социогуманитарной перспективе: методологические и технологические основы создания научно-прикладного тезауруса. // Вестник РГГУ. Философия. Социология. Искусствоведение. 2017. № 2. С. 57 – 73.
 26. Майорова-Щеглова С. Н., Колосова Е. А. Дети и детство как объекты социологических исследований. // Социологические исследования. 2018. № 3. С. 62 – 69.
 27. Мудрик А. В. Социализация и воспитание подрастающих поколений. М.: «Знание РСФСР», 1990. 44 с.
 28. Петров В. Е. Социальная история «золотой молодежи»: проблемы социального и исторического генезиса. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2016. № 8 (6/2). С. 127 – 133.
 29. Пичугина В. К. Антропологический дискурс в педагогике: исторические и теоретические аспекты. М.: Флинта:Наука, 2013. 168 с.
 30. Пурлиева К. Проблема мечты в историческом материализме: (Опыт социального и культурно-исторического анализа народной мечты): автореферат дис. ... канд. филос. наук. М., 1975. 26 с.
 31. Пушкарева Н. Л. Научное направление «история повседневности» в отечественной и зарубежной историографии (к оценке итогов историко-антропологического поворота в социальных науках). // Вестник антропологии. 2016. № 3 (35). С. 121 – 140.
 32. Пушкарева Н. Л. Гендерная система советской России и судьбы россиян. // Новое литературное обозрение. 2012. № 117 (5). [Электронный ресурс]. // URL: <http://www.nlobooks.ru/node/2613> (дата обращения: 17.05.2017).
 33. Разумовская Е. А. Молодежная лексика в культуре повседневности: социологический анализ: автореф. дис. ... канд. социол. наук. М., 2008. 30 с.
 34. Рожков А. Ю. В кругу сверстников: Жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 640 с.
 35. Ромм Т. А. Внешкольная работа с детьми в теории и практике социального воспитания: историко-педагогический анализ. Новосибирск: НГПУ, 2014. 481 с.
 36. Ромашова М. В. Советское детство в 1945 – середине 1950-х гг.: государственные проекты и провинциальные практики (по материалам Молотовской области): дис. ... канд. ист. наук. Пермь, 2006. 211 с.
 37. Сальникова А. А. Российское детство в XX веке: история, теория и практика исследования. Казань: Казанский государственный университет им. В.И. Ульянова-Ленина, 2007. 256 с.
 38. Сальникова А. А. Безглазая кукла и папин револьвер: Ребенок в вещно-предметном мире раннесоветской эпохи / An Eyeless Doll and Daddy's Revolver: The Child in the Material World of the Early Soviet Years. // Теория моды: Одежда. Тело. Культура / Fashion Theory: The Journal of Dress, Body & Culture. М., СПб., New York: Новое литературное обозрение, Berg. 2008. № 8. С. 119 – 139.
 39. Сергеев С. А. Особенности объективации концепта мечта в русской языковой картине мира: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 20 с.
 40. Смирнов А. В. Концептуализация повседневности: исторический и методологический аспекты: автореф. дис. ... докт. философ. наук. Санкт-Петербург, 2013. 40 с.
 41. Тихомирова А. От Шрайбикуса до «индейцев и ковбойцев»: ГДР в жизненном мире советского ребенка 1980-х годов. // Неприкосновенный запас. 2008. № 2 (58). [Электронный ресурс]. // URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2008/2/ti21.html> (дата обращения 10.12.2018).
 42. Третьяков В. Т. Из СССР в Россию и обратно: воспоминания. Кн. 1. Ч. II и III. М.: Ладомир, 2014. 613 с.
 43. Турыгин А. А., Миновская О. В. Идеи педагогики приключений в трудах российских педагогов-новаторов первой четверти XX века. // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. Т. 23. № 4. С. 218 – 222.
 44. Усманова А. А. Психологические особенности подростковой мечты как показатель личностного развития: автореф. дис. ... канд. псих. наук. М., 1993. 27 с.
 45. Форшток А. М. Трансформация «американской мечты» в романах Ирвина Шоу: к проблеме аксиологии массовой литературы: дис. ... канд. филолог. наук. Нижний Новгород, 2010. 223 с.
 46. Хейзинга Й. Homo Ludens. Человек играющий. Статьи по истории культуры. / Пер., сост. и вступ. ст. Д. В. Сильвестрова; Коммент. Д. Э. Харитоновича. М.: Прогресс – Традиция, 1997. 416 с.
 47. Юрьева Т. В. Влияние мечты как модели будущего на личностно-профессиональное развитие студента: автореф. дис. ... канд. псих. наук. Тамбов, 2007. 24 с.
 48. Kupriyanov B. V. The Adrenaline Rush of Children's Pranks. // Russian Education & Society, 2018. Vol. 60. P. 238 – 256.